

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ**

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**«От Тюркского эля
к Казахскому ханству»**

СБОРНИК ДОКЛАДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
PRESS-BOOK
редкие книги

г. Москва, ул. Б. Ордынка, д. 17

www.press-book.ru

+7(499) 501-4709

Москва
2016

Редакционная коллегия:
канд. фил. наук, доц. *Е.А. Оганова*
канд. фил. наук *А.А. Гаджиева*
М.Ш. Бурочкина

Ответственные редакторы:
д-р филол. наук, проф. *Д.М. Насилов*
д-р ист. наук, проф. *Ж.С. Сыздыкова*

Международная научно-практическая конференция
«От Тюркского эля к Казахскому ханству»

Москва, 15-17 ноября 2015 г.

Данный сборник содержит тексты докладов, представленных на международной научно-практической конференции «От Тюркского эля к Казахскому ханству», посвященной 550-летию образования Казахского ханства.

*Издано при поддержке
Посольства Республики Казахстан
в Российской Федерации*

Выступление
Советника-Посланника
Посольства Республики Казахстан
в Российской Федерации
Сыздыкова М.З.
на международной
научно-практической конференции
«От Тюркского эля к Казахскому ханству»

*г. Москва, Центр Восточной литературы РГБ
(ул. Моховая, д.6), 16 ноября 2015 г.*

Уважаемые участники конференции!

Дамы и господа!

Прежде всего, хотелось бы выразить благодарность Оргкомитету конференции, руководству и коллективу Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова за прекрасную организацию сегодняшнего мероприятия.

Отдельная признательность Центру Восточной литературы Российской государственной библиотеки.

Конференция видится нам продолжением доброй традиции, когда высокая кафедра Института стран Азии и Африки МГУ является «площадкой» для обсуждения актуальных вопросов и новых идей между казахстанскими и российскими учеными.

Текущий 2015 год весьма символичен для всех граждан нашей страны: 550 лет назад в центре Евразийского континента нашими предками было основано Казахское ханство – одно из величайших детищ кочевой цивилизации.

Данное событие послужило отправной точкой в многовековой государственности казахского народа, нашедшей свое наиболее полное выражение в современном государстве – Республики Казахстан.

Говоря о важности этого исторического события, Президент Казахстана Н.А.Назарбаев, который давно и предметно занимается вопросами национальной истории, подчеркивает: «Казахское ханство как государственное объединение сыграло особую роль в консолидации казахского этноса. Сегодня на новом историческом этапе Казахстан стремится не только возродить древние традиции государственности, но и создать новый тип государственности в терминах грядущего XXI века».

Аманжолова 2009 – Аманжолова Д.А. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. – Алматы, 2009.

АПРК – АПРК. Ф.141, д.479

Бокейханов 1994 – Бокейханов А. Произведения. – Алматы, 1994.

Кара 2004 – Кара А. Мустафа Чокай. Жизнь. Борьба. Творчество. / Перевод с тур. яз. Г. Шадиевой. – Алматы, 2004.

«Знамя единства» 1918, №21. 29 января

РГАСПИ. Ф.17, оп.85, д.77

Сборник важнейших декретов, постановлений и распоряжений правительства ТАССР за 1917–1922 гг. – Ташкент, 1923.

Сборник документов и материалов о движении Алаш. Апрель 1920–1928 гг. – Т. 3. – Кн. 1. – Алматы, 2007.

Турсын 2006 – Турсын Х.М. Национально-освободительное движение в Туркестане и Туркестанская автономия. – Алматы, 2006.

Чокай 1999 – Чокай М. Избранное. В 2 тт. – Т. 1. – Алматы, 1999.

Чокай 2012 – Чокай М. Полный сборник сочинений. В 12 тт. – Т. 1. – Алматы, 2012.

Аннотация

В статье рассматривается общественно-политическая деятельность Мустафы Чокая в Туркестанском крае. Раскрывается политический путь М. Чокая от руководителя кружка «Совет» в Ташкенте, до его руководства в национальной государственности Туркестанской автономии. Идея мусульманского и тюркского единства становится основным инструментом борьбы с колонизацией и советской властью. Анализируется деятельность главного идеолога этой борьбы М.Чокая как субъекта репрессий со стороны Советской власти.

Ключевые слова

Мустафа Чокай, кружок «Совет», Туркестанская Автономия, доносительство, газета «Ак жол»

Mustafa Shokay – leader of the ethnic elite of Turkistan

Summary

The article deals with socio-political activity of Mustafa Shokay in Turkistan. M. Shokay's political way from a circle «Council» in Tashkent to its management in the national organization of the Turkistan autonomy reveals. The Muslim and Turkic uniform idea of edge becomes the main fighter against colonization and the Soviet power. The chief ideologist of the struggle M. Shokay analyzed as a source of repression by the Soviet regime.

Key words

Mustafa Shokay, the circle «Council», the Turkistan Autonomy, denunciation, the newspaper «Ak zhol»

Сведения об авторах

Турсун Хазретали Маханулы – доктор исторических наук, профессор Международного казахско-турецкого университета им. Х.А. Ясауи, Казахстан; e-mail: tursunhazret@mail.ru

Вахдет Таракчы – докторант (PhD) Международного казахско-турецкого университета им. Х.А. Ясауи, Казахстан; e-mail: vahdettarakci@hotmail.com

К.А. Фурсов

ТЕРМИН «КАГАНАТ» И ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ В КОЧЕВЫХ ИМПЕРИЯХ ЕВРАЗИИ

В отечественной и зарубежной научной литературе по отношению к двум древнетюркским империям VI–VIII вв. и их многочисленным преемникам (властным структурам уйгуров, хазар, басмылов, кимаков и т.д.) устоялся термин «каганат». Он был образован уже в европейских языках с помощью присоединения к тюркскому слову «каган» латинского суффикса существительного IV склонения *-ātus* (который в русском языке теряет окончание *-us*) по аналогии с терминами «принципат», «доминат» и т.п.

Научная потребность в абстрактном термине для обозначения тюркских империй и аналогичных кочевых властных структур несомненна. Однако это тот случай, когда этимология термина может искажать представление о природе обозначаемого феномена. Цель производных терминов типа «каганата» – обозначение азиатских властных структур в их временной и пространственной протяженности в том смысле, каким наделяется европейское понятие «государства» (*state, État, Staat*). Более того, каганаты и подобные им образования в научной литературе прямо называют «государствами».

Между тем в самих обществах Востока, включая Великую степь, не существовало ни феномена «государства» в европейском смысле, ни, естественно, обозначающего его термина. Неслучайно некоторые кочевниковеды, например, казахский историк Н.Э. Масанов [Масанов 1995] вообще избегают термина «государство» применительно к изучаемым властным структурам. Правда, они исходят из того, что кочевые империи типологически просто «не доросли» до государственного уровня организации. Однако дело даже не в дихотомии «вождество – государство».

Обозначение любых властных образований докапиталистической эпохи как «государств» представляется нарушением принципа историзма.

Употребление термина в наиболее широком смысле обесценивает его, выхолащивая смысл. Со второй половины XX в. в политической науке и исторических исследованиях развивается тенденция не использовать термин «государство» по отношению к формам властной организации систем, которые стадийно и исторически предшествовали капитализму. Для обозначения властной организации в наиболее широком смысле сторонники этой тенденции пользуются термином «полития» (*polity*).

Государство — понятие абстрактное. Как подчеркивает голландско-израильский политолог М. ван Кревелд, на протяжении большей части мировой истории существовало управление (*government*), но не государства (*states*); государство есть корпорация, которая не тождественна ни правителю, ни подданным и институционально отделена от всех прочих сфер общества [Creveld 1999: 1] (см. также: [Белков 1995]). Будучи «всего лишь одной из многих форм постпервобытной социально-политической организации» [Бондаренко и др. 2006: 17], государство как исторический феномен возникло в Западной Европе в середине XVII в. с рождением капитализма, то есть с вычленением эксплуатации экономического типа [Фурсов 1998: 41–42], а также с четким отделением понятия власти от ее носителя. Первым теоретиком государства был английский философ Т. Гоббс с его концепцией «искусственного человека» Левиафана. Лишь позднее государство было «экспортировано» в другие части света (при этом нередко лишаясь исходного содержания). Данная точка зрения отчасти нашла выражение и в тюркологии. Называя европоцентричный подход к природе кочевых империй POSSИБИЛИЗМОМ, известный казахский специалист по древнетюркским властным структурам и праву Т.С. Жумаганбетов справедливо отмечает, что он «вполне адекватен в отношении обществ, которые оказались в сфере капиталистических отношений, и заслуживает большой осторожности при анализе этим инструментом добуржуазных, в особенности восточных обществ» [Жумаганбетов 2003: 118].

Термин «каганат» предполагает понятие об абстрактном феномене, а в отсутствие такого феномена у тюрков не было и соответствующего слова. В источниках по тюркской истории (тюрко-, фарси-, арабоязычных) употребляется лишь термин *каган* / *khāqān*, который обозначает носителя данной власти, причем часто — конкретного человека (см., напр.: [Малов 1951: 33, 34, 36–41, 65–67; Гардизи 1363х: 548, 549, 554–556, 567–570, 581; Худуд ал-'алам... 1340х: 80, 81, 85, 86, 192; Ibn Khurdadhbih 1889: 30]). Конечно, у тюрков существовал и широко использовался термин «эль» или даже «вечный эль» (*мэнгэ эль*), под которым они понимали свой племенной союз как военно-административную структуру [Кляшторный 1986: 219]. Однако реальное воплощение полития тюрков получала только при наличии фигуры кагана; «эль» можно трактовать как каганат в потенции. К тому же, как показал археолог А.Н. Бернштам, с образованием каганата обозначение «эль» перешло со всего племенного союза на его

определенную прослойку, а именно социальную верхушку [Бернштам 1946: 141–143]. Иными словами, налицо отождествление имперской структуры с ее знатью. Следующий логический шаг — отождествление имперской структуры с ее правителем.

Каганат выступает одним из частных центральноазиатских случаев феномена патримонии (патримониальной политики) — такой властной структуры, в которой фокусом лояльности служила личность правителя; абстрактного понятия государства при этом не существовало, понятие о властном организме не отделялось от понятия о монархе как конкретном человеке. Пример из литературы известен. В «Гамлете» королева говорит принцу о короле Клавдии: «Let thine eye look like a friend on Denmark», что в переводе М. Лозинского звучит так: «Взгляни как друг на датского владыку». Сам Клавдий спрашивает посла, вернувшегося от короля Норвегии: «What from our brother Norway?» Страна, королевство, отождествляется с возглавляющим ее человеком. Для политики патримониального типа характерна нерасчлененность публичной и частной сфер жизни.

Известный французский социолог П. Бурдьё зафиксировал содержательное отличие государства от докапиталистических форм организации власти, подчеркнув, что фундаментальные черты таких политий могут быть выведены из модели дома: король и его семья понимали свое «государство» как «дом короля», которым надо управлять по-хозяйски [Bourdieu 1997: 56]¹. Недаром *patrimonia* означает по-латыни «имущество, унаследованное от отца». Отсюда столь характерные для патримоний феномены раздачи уделов и смешения функций ведомств, которые относились к собственно политике и к дворцовому хозяйству правителя. Неслучайно «ханская ставка ведала двумя важнейшими для центральноазиатского государства отраслями: ханским имуществом и войсками хана. Различия между ханским и государственным имуществом не существовало» [Кадырбаев 1990: 52]. В отсутствие государства как отдельного юридического лица большинство обществ в истории не могли провести четкого разделения между управлением и собственностью [Creveld 1999: 53].

Пользуясь производным термином «каганат», следует помнить об условности его абстрактного значения. Помимо прочего это помогает лучше понять механизмы возникновения и распада кочевых держав Евразии. Эти процессы объясняют разными причинами. Возникновение таких держав объясняют переходом кочевых обществ на определенный этап развития социально-экономических отношений (традиционная точка зрения советских марксистов, таких как Л.П. Потапов и И.Я. Златкин);

¹ Распространенное отождествление «государства» и «администрации» (управленческого аппарата) оспаривают и некоторые востоковеды [Лелюхин, Любимов 2000: 4].

складыванием системы дистанционной эксплуатации (Т. Барфилд) / ксенократии (Н.Н. Крадин), при которой кочевники налаживают неэквивалентный обмен с оседлым обществом путем чередования торговли и набегов; завоеванием кочевниками других кочевников или оседлого общества (Г.Е. Марков и др.). Причинами гибели держав называют перепроизводство элиты и, как следствие, ее междоусобицы (Н.Н. Крадин), климатические изменения и утрату этносом пассионарности (Л.Н. Гумилев), восстания покоренных племен, военное поражение от более агрессивного кочевого или оседлого соседа.

Однако в историографии несколько недооценивают еще одну причину возникновения и распада кочевых империй – саму специфику власти правителя как главы патримонии. Личный характер этой власти обуславливал, с одной стороны, постоянную возможность создания новой политики при наличии способного (амбициозного, харизматического) лидера, а с другой стороны – постоянную хрупкость этой власти. В патримониальной империи богатства принадлежали императору как личности; воины и чиновники присягали и служили ему лично, и неслучайно при вступлении на престол каждого нового правителя присяга повторялась [Creveld 1999: 44–45]. Так, тюркские орды, входившие в племенной союз «черных клобуков» Поросья XII в., «присягали не отвлеченному “киевскому князю”, а вполне конкретным лицам, сидевшим на киевском столе» [Плетнева 1990: 76]. Это характерно и для кочевых обществ, и для оседлых. Неудивительно, что правителя Могольской империи в Индии Шаха Джахана (правил в 1627–1658 гг.) в контактах с англичанами озадачивало абстрактное понятие «Ост-Индская Компания», а современных ему правителей Нусантары в контактах с голландцами – понятие «Генеральные Штаты». Можно привести и обратный пример – непонимания на Западе восточных понятий. Когда после взрывов исламистами бомб у посольств США в Кении и Танзании (1998 г.) в документации ФБР стали фигурировать «члены Аль-Каиды», утверждалось, будто они приносят этой организации клятву верности – *bayat* (араб. *bay'a*). На деле *bayat* в исламском обществе может быть клятвой верности лишь определенному человеку, лидеру, а не абстрактной организации [Burke 2003: 6]. Американские следователи этого цивилизационного отличия не понимали и механически переносили на Восток западные представления о лояльности, сформировавшиеся уже в контексте традиции государства (что, кстати, отрицательно сказалось на результатах исследования).

Вот почему абстрактный термин «каганат» гипотетически мог бы использоваться в древнетюркском обществе только в том смысле, в каком в арабских и фарсиязычных источниках употребляются слова «халифат», «султанат», «эмират» (в отличие от «каганата» их суффикс *-at* исходно имеет собственно арабское происхождение, а не иностранное латинское – *khilāfat(un)*, *saltanat(un)*, *imārat(un)*). Такой термин употреблялся бы лишь в

сочетании с именем индивидуального правителя и обозначал бы лично его власть – «каганат / каганство / каганствование такого-то» («каганат Бумына», «каганат Юн-Улуга» и т.д.). Однако источники таких примеров не дают.

В кочевых полициях патримониальный характер власти был даже более выраженным, чем в оседлых. Если в последних «узурпатором должен был быть основатель династии, а его наследники вполне могли и не быть автократами, опираясь на бюрократию, армию и легитимность, то в кочевом обществе какой бы властью ни обладал правитель, его наследник, даже если получал престол в силу законных притязаний, чаще всего был вынужден все начинать сначала. В этом смысле каждый новый правитель у номадов больше должен был походить на узурпатора или нового основателя “державы”, нежели на законного наследника “трона”» [Крадин 1992: 164]. Получается, что в отношении кочевых держав даже термин «патримония» не совсем точен, так как по наследству от отца власть доставалась не автоматически. В патримониях оседлых обществ представление о политике, как правило, так или иначе включало род правителя. Так, в имперском Китае «в сущности, государство как таковое ограничивалось... рамками царствующего дома, династического древа как некоего “единого тела”» [Малявин 2000: 105]. В Великой степи представление о политике имело тенденцию к еще более узкому толкованию, к фокусированию на самом правителе.

В патримониальных полициях, особенно милитаризованных, смысл существования которых – военные походы, представители знати следовали за правителем только как за личностью, которая могла обеспечить распределение между ними каких-то ресурсов – и лишь до тех пор, пока она была в состоянии это делать. Один из многих примеров из истории кочевого мира – крупнейший правитель Тюркешского каганата Сулук (правил в 715–738 гг.), который «в поздние годы... награбленные добычи начал мало по малу удерживать без раздела. Тогда и подчиненные начали отделяться от него», а затем убили [Бичурин 1950: 299]. «Достоинство хана вообще имело значение лишь до тех пор, пока в военное время отдельные племена и роды благодаря походам хана получали непосредственную выгоду... Когда эта выгода больше не была для народа очевидной, племена, роды и их части тут же разделялись на отдельные группы...» [Radloff 1893: 516–517]. «Необходимость сохранять державу лишала бегов и будун (знать и простой народ. – К.Ф.) покоя, потому что только постоянная готовность к бою поддерживала существование эля» [Гумилев 1967: 102] – и, соответственно, каганата. При этом чем крупнее была полиция, тем выше были ставки, требования к правителю. Недаром Чингисхан в своих походах предпочитал пусть и постоянно рисковать поражением, но наступать: опасался, что бесславное возвращение в Монголию приведет к распаду созданного им с таким трудом племенного союза [Барфилд 2009: 312]. Эта ситуация характерна не только для кочевых

империй, но и для политий, генетически с ними связанных, таких, как Мо-Могольская империя (XVI–XVIII вв.), от тимуридских шахов которой знать непрерывно ждала раздачи все новых должностей и кормлений (*джаги́ров*).

Личный характер власти в кочевых империях Евразии многократно усиливался еще одной их чертой. К кочевым империям, как ко многим другим политиям досовременной эпохи, применима концепция «сегментного государства» (*segmentary state*), которую на материале Индии выдвинул американский индолог Б. Стайн. (От термина «государство» здесь следует абстрагироваться, тем более что сам Стайн употреблял и термин *polity*.) Он настаивал, что политии доколониальной Индии не следует понимать упрощенно как княжества с правителем и административным аппаратом. Они не были ни унитарными структурами с четко очерченной территорией и централизованной системой управления, ни структурами, основанными на феодальных связях. «Сегментное государство» – это пирамидальная полития с множеством центров власти; хотя верховная власть принадлежала монарху, вообще власть была распределена между многими правителями, которые образовывали пирамиды влияния; все центры власти имели автономные системы управления и принуждения, и чем дальше от центра империи, тем слабее была власть монарха [Stein 1998: 20]. В кочевых политиях Евразии мы тоже видим такое устройство: они были сложносоставными, складывались из племен и племенных союзов, которые находились в разной степени зависимости от центра. Так, в Первом Тюркском каганате (552–603 гг.) наряду с племенами «десятистрельных тюрок», составлявшими хребет империи, существовало немало других кочевых племен, а также земледельческих областей и оазисов, причем контроль кагана даже над «десятистрельными тюрками» был слабым. К концепции «сегментного государства» по сути близка концепция сверхсложного вождества известного отечественного кочевниковеда Н.Н. Крадина [Крадин 1992: 152; Крадин 2006: 503–506].

Сфокусированность на фигуре правителя делала политии патримониального типа весьма уязвимыми для центробежных тенденций, а сегментная «архитектура» этих политий возводила их недолговечность «в квадрат». В Великой степи достаточно было распасться личным связям монарха с ключевыми вождями и соратниками, как здание рушилось практически бесследно: сегменты автоматически отпадали и продолжали функционировать вполне самостоятельно, как если бы надстройки никогда и не было. (Если говорить об экономической стороне вопроса, то нормальное функционирование кочевого скотоводства как хозяйственно-культурного типа не нуждалось в имперской структуре и вполне регулировалось в рамках племенного хозяйства.) Неудивительно столь быстрое возвышение и падение кочевых политий, которые сменяли друг друга как в калейдоскопе.

Здесь уместно вспомнить еще одну концепцию – арабского историка ибн Хальдуна (XIV в.). Его знаменитая концепция циклов применима не только к его родному Магрибу, но и к другим регионам мира, включая евразийскую степь (на что уже обратили внимание исследователи: [Васютин 2010: 53; Крадин 1992; Hall, Turchin 2007: 80]). При этом циклическая концепция способна прояснить не только взаимодействие кочевых обществ с оседлыми, но и механизм создания и распада империй внутри кочевого общества. Хотя в центре этой концепции стоит не личность правителя, а групповая сплоченность (*'asabiyya*) племени завоевателей как коллективного правителя, при перечислении фаз существования политии ибн Хальдун акцентирует роль монарха (*sāhibu-d-daula*), которая меняется в худшую сторону. В частности, автор «Мукаддими» указывает на разрыв его личных связей с представителями знати и лишение жалованья войска [Ибн Халдун 2006: 544].

Таким образом, тюркско-латинский термин «каганат» является примером вестернизации восточных понятий, их «препарирования» европейской наукой (пусть и не в саидовском смысле идейного угнетения). Эта вестернизация чревата искажением нашего понимания природы власти в кочевых империях Евразии, поэтому необходимо помнить и об этимологии термина, и об условности его абстрактного содержания.

Литература

- Барфилд 2009 – *Барфилд Т.* Опасная граница: Кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.). – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009.
- Белков 1995 – *Белков П.Л.* Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? // Ранние формы политической организации / Под ред. В.А. Попова. – М.: Вост. лит., 1995. – С. 165–187.
- Бернштам 1946 – *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй орхоненисейских тюрок VI–VIII веков. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. – М.; Л.: АН СССР, 1946. – 207 с.
- Бичурин 1950 – *Бичурин Н.Я. (Иакинф)* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Бондаренко и др. 2006 – *Бондаренко Д.М., Гринин Л.Е., Коротаев А.В.* Альтернативы социальной эволюции // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. – Волгоград: Учитель, 2006. – С. 15–36.
- Васютин 2010 – *Васютин С.А.* Внешнеполитические стратегии и организация верховной власти во II Тюркском каганате // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2010. № 3. – С. 49–62.
- Гардизи 1363х – *Гардизи, Абу Са'ид 'Абд-ул-Хайй бин Заххак ибн Махмуд.* Тарих-е Гардизи (Летопись Гардизи). – Тегран: Чапхане-йе Армаган, 1363х (1985 г.) – 733 с. (яз. фарси).
- Гумилев 1967 – *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. – М.: ГРВЛ, 1967.
- Жумаганбетов 2003 – *Жумаганбетов Т.С.* Проблемы формирования и развития древнетюркской системы государственности и права VI–XII вв. – Алматы: Жеті жарғы, 2003.
- Ибн Халдун 2006 – *Ибн Халдун, 'Абд-ур-Рахман ибн Мухаммад.* Мукаддима ибн Халдун. Ал-джузз ас-сани (Введение ибн Хальдуна. Часть II). – Ал-Кахира: ал-Хейя ал-мысрийя ал-'амма ли-л-китаб, 2006 (араб. яз.).
- Кадырбаев 1990 – *Кадырбаев А.Ш.* Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII–XIV вв. – Алма-Ата: Гылым, 1990.
- Кляшторный 1986 – *Кляшторный С.Г.* Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии (VI–X вв.) // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности. – М.: ГРВЛ, 1986. – С. 217–228.
- Крадин 1992 – *Крадин Н.Н.* Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). – Владивосток: Дальнаука, 1992.
- Крадин 2006 – *Крадин Н.Н.* Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. – Волгоград: Учитель, 2006. – С. 490–511.
- Лелюхин, Любимов 2000 – *Лелюхин Д.Н., Любимов Ю.В.* Вступление (проблема государства и его критериев) // Государство в истории общества (к проблеме критериев государственности). 2-е изд., исправл. и доп. – М.: Институт востоковедения, 2000. – С. 3–7.
- Малов 1951 – *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
- Малявин 2000 – *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. – М.: Астрель, 2000.
- Масанов 1995 – *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов: (Основы жизнедеятельности кочевнического общества). – Алматы: Социвест; М.: Горизонт, 1995.
- Плетнева 1990 – *Плетнева С.А.* Половцы. – М.: Наука, 1990.
- Фурсов 1998 – *Фурсов А.И.* Коммунизм как понятие и реальность // Русский исторический журнал. 1998. Т. I, № 2. – С. 13–63.
- Худуд ал-'алам... 1340х – *Худуд ал-'алам мин ал-машрик ила-л-магриб* (Границы мира от востока до запада) / М. Сотуде. – Тегран: Чапхане-йе данешгах-е Тегран, 1340х (1962 г.) (яз. фарси).
- Bourdieu 1997 – *Bourdieu P.* De la maison du roi à la raison d'État: Un modèle de la genèse du champ bureaucratique // Actes de la recherche en sciences sociales. P., 1997. Vol. 118, № 1. – P. 55–68.
- Burke 2003 – *Burke J.* Al-Qaeda: The True Story of Radical Islam. – L.: Penguin Books, 2003. – XXVIII.
- Crevelld 1999 – *Crevelld M. van.* The Rise and Decline of the State. – Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1999. – VIII.
- Hall, Turchin 2007 – *Hall T.D., Turchin P.* Lessons from Population Ecology for World-Systems Analysis of Long-distance Synchrony // The World System and the Earth System: Global Socioenvironmental Change and Sustainability since the Neolithic / Ed. by A. Hornborg, C.L. Crumley. – Walnut Creek (CA): Left Coast Press, 2007. – P. 74–90.
- Ibn Khurdadhbih 1889 – *Ibn Khurdadhbih.* Kitāb al-masalik wa'l-mamalik // Bibliotheca Geographorum Arabicorum / Ed. M.J. de Goeje. Pars Sexta. Kitāb al-masālik wa'l-mamālik auctore Abu'l-Kāsim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordādhbeh accedunt excerpta e Kitāb al-Kharāj auctore Kodāma ibn Dja'far. – Lugduni-Batavorum: Brill, 1889. – XXIII, (8), (араб. яз.).
- Radloff 1893 – *Radloff W.* Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche. Erster Band. – Leipzig: T.O. Weigel Nachfolger, 1893.
- Stein 1998 – *Stein B.* A History of India. – Oxford: Blackwell, 1998. – XVI.

Аннотация

В статье рассмотрена проблема адекватности научного термина «каганат» во взаимосвязи с проблемой власти в кочевых империях степной Евразии. Искусственно сконструированный европейской наукой термин «каганат»

выступает примером вестернизации восточных понятий, поэтому его абстрактное содержание условно. Рассмотрение этимологии этого термина помогает лучше понять природу власти в полициях патримониального типа, представление о которых по сути замыкалось на фигуре самого правителя.

Ключевые слова

Каганат, древние тюрки, кочевые империи, власть, полиция, государство, патримония

The term «Kaganate» and the problem of power in Eurasian nomadic empires

Summary

The article analyses the problem of the adequacy of the scientific term «khaganate» in the interconnection with the problem of power in nomadic empires of the Eurasian Steppe. The term «khaganate» artificially constructed by European science is an example of the westernization of Oriental notions, that is why its abstract content is conditional. The analysis of the etymology of the term helps to understand better the nature of power in the polities of patrimonial type the idea of which in fact focused on the figure of the ruler himself.

Key words

Khaganate, ancient Turks, nomadic empires, power, polity, state, patrimony

Сведения об авторе

Фурсов Кирилл Андреевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова;

e-mail: kfursov@iaas.msu.ru

Сяоцзя Чжао

ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ И КАЗАХСКИМ ХАНСТВОМ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – НАЧАЛО XIX ВВ.)

Казахское ханство, с момента его создания и до присоединения к Российской империи в XIX в., играло большую роль на исторической арене Центральной Азии. События, связанные с объединением Синьцзяна и далее разгромом Джунгарии Цинской империей в 1755–1757 гг., оказали большое влияние на политическое положение в Центральной Азии. После разгрома Джунгарии Цинская империя имела прямые связи с Казахским ханством. В 1757 г., 1758 г. и 1762 г. Средний, Старший и Младший жузы Казахского ханства отдельно друг от друга признавали себя вассалами Цинской

империи. Так как до этого Казахское ханство также признало протекторат Российской империи, то с середины XVIII в., находясь между Российской и Цинской империями, оно было под влиянием двух держав. В данной статье рассматриваются некоторые вопросы отношения Цинской империи к Казахскому ханству.

I. Основная политика Цинской империи по отношению к Казахскому ханству

Во внешней политике Цинской империи отразилась система вассальной зависимости и модель данничества, которые сформировались уже в древнем Китае и служили главными основами регулирования отношений для управления государствами кочевников. Цинская империя разделила окружающие ее пограничные народы на «внутренних вассалов» и «внешних вассалов». «Внутренние вассалы» – это те народы, которые Цинская империя включила в свою административную систему управления. А «внешние вассалы» – это народы, которые не были включены в цинскую административную систему, но поддерживали с Цинской империей отношения вассальной зависимости и данничества. По отношению к Цинской империи Казахское ханство являлось «внешним вассалом».

По записям китайских источников цинской династии – «Цин Шилу» (Цинской хроники императоров), после того как Казахское ханство было признано вассалом Цинской империи, цинские министры обращались к императору Цяньлуну за указаниями, касающихся принципов управления казахами. Император Цяньлун считал, что казахи отличаются от халхасцев и некоторых других племен тем, что они с древних времен не имели прямых связей с Китаем. Кроме этого, признание положения вассала произошло по воле казахов, а не по принуждению цинских послов [Qing Shilu, ч. 15, т. 543, 1986: 891]. Поэтому Цинская империя должна была относиться к ним покровительственно. Итак, цинский правитель определял относительно свободную для казахов политику привлечения и подчинения империи Цин на основе вассальных отношений.

По данным источников, цинский правитель считал, что те ханства и племена, которые граничат с северо-западной частью Китая, «должны сдерживать свои народы, соблюдать границы и не допускать конфликтов» [Qing Shilu, ч. 16, т. 555, 1986: 30]. После разгрома Джунгарии Цинская империя включила все ее кочевья в свою территорию [Qing Shilu, ч. 16, т. 617, 1986: 942]. Для безопасности и стабильности в пограничном районе Цинская империя определила границы, разработала карту разграничительной линии и на этом основании требовала от казахов, чтобы они при кочевке не переходили границу [Li Sheng 2004: 120]. Очевидно, главное внимание и озабоченность Цинской империи проявлялись в сохранении безопасности и спокойствия ее западной границы.

По китайским историческим источникам, основные направления политики Цинской империи по отношению к Казахскому ханству можно

В основу персидского перевода был положен тафсир известного арабского ученого Абу Джа'фара Мухаммада ибн Джарира ат-Табари (839–923). Видимо, следует поддержать предположение З.Тогана о том, что у Саманидов в комиссии по переводу арабского тафсира на персидский язык, возможно, был тюрк, естественно, ирано-тюркский билингв.

Известен и тюркский перевод тафсира, который происходит из Средней Азии; его самый ранний список, обнаруженный в г. Карши, относится к XIV в. Однако язык этой рукописи свидетельствует о том, что тюркский протограф несомненно носит черты караханидского литературного языка. Материалы по лексике и морфологии среднеазиатского тафсира определенно свидетельствуют о том, что язык протографа относился к X в. и основывался на грамматической системе карлукских диалектов.

Описанная языковая ситуация, с другой стороны, подсказывает, что в результате постоянных перемещений тюркских кочевых племен, а также большой динамики участвующих в частых военных походах масс населения происходили интенсивные межплеменные контакты и, следовательно, междиалектное взаимодействие, которое вело к появлению общетюркского койне, влиявшего на племенные диалекты. Последние, однако, в силу устойчивости этнокультурных традиций, действующих веками в рамках отдельного рода, племени, продолжали сохранять свои основные системные признаки. Эти две противоречивые тенденции действуют на протяжении всей истории тюркских языков и проявляются в наши дни.

Литература

- Кляшторный 2003 – *Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. – СПб., 2003.
 Кляшторный 2006 – *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – СПб., 2006.
 Кляшторный 2010 – *Кляшторный С.Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010.
 Кляшторный–Султанов 2000 – *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей. – СПб., 2000.

Linguistic palette of medieval steppe

Сведения об авторе

Насилов Дмитрий Михайлович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова

Содержание

Выступление.....	3
Советника-Посланника.....	3
Посольства Республики Казахстан.....	3
в Российской Федерации.....	3
Сыздыкова М.З.....	3
на международной научно-практической конференции.....	3
«От Тюркского эля к Казахскому ханству».....	3
ИСТОРИЯ.....	7
<i>А.А. Абаева.....</i>	<i>7</i>
СОЗВУЧИЕ ЭТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ОСНОВА ДИАЛОГА	
МЕЖДУ ТЮРКСКОЙ И ИСЛАМСКОЙ КУЛЬТУРОЙ.....	7
<i>Х. Абжанов.....</i>	<i>13</i>
<i>Г.Н. Ксенжик.....</i>	<i>13</i>
КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII –	
НАЧАЛА XIX ВВ.: ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КАЗАХСКОГО	
ХАНСТВА.....	13
<i>К.К. Абуев.....</i>	<i>18</i>
СУЛТАН УРАЗ-МУХАММЕД НА СЛУЖБЕ У РУССКИХ ЦАРЕЙ:.....	18
ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОЧНИКИ.....	18
<i>М.Х. Абусеитова.....</i>	<i>34</i>
НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ.....	34
КАЗАХСКОГО ХАНСТВА.....	34
<i>А.Ю. Быков.....</i>	<i>45</i>
ЛИКВИДАЦИЯ ХАНСКОЙ ВЛАСТИ В МЛАДШЕМ.....	45
КАЗАХСКОМ ЖУЗЕ.....	45
<i>Д.Д. Васильев.....</i>	<i>58</i>
ФОТОГРАФИИ, ВЫПОЛНЕННЫЕ РОССИЙСКИМИ	
ВОСТОКОВЕДАМИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.,.....	58
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА.....	58
<i>И.В. Ерофеева.....</i>	<i>73</i>
ПОНЯТИЕ «ПОДДАНСТВО» В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ	
КАЗАХСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ 30–50-Х ГГ. XVIII В.	73
«НАСАБ-НАМЕ-ЙИ СУЛТАН САДЫК» – ИСТОРИЯ КЕНЕСАРЫ	
КАСЫМОВА И САДЫКА КЕНЕСАРИНА.....	89
<i>А.Ш. Кадырбаев.....</i>	<i>92</i>
ГЕНЕРАЛ ГУБАЙДУЛЛА ДЖАНГИРОВ – ПОТОМОК ХАНСКОЙ	
ДИНАСТИИ КАЗАХСКИХ ЧИНГИЗИДОВ НА СЛУЖБЕ.....	92

РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	92
<i>Е.М. Канапьянов</i>	104
ЧИНГИЗИДЫ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ	104
<i>М.Б. Кожя</i>	112
НОВЫЕ ОБРАЗЦЫ ДЕРЕВЯННОЙ АРХИТЕКТУРЫ	112
ИЗ Г. ТУРКЕСТАНА (XII–XVIII вв.)	112
<i>Т.К. Кораев</i>	123
ТЮРКИ И ТУРКЕСТАН В РАННЕЙ АРАБСКОЙ ГЕОГРАФИИ –	123
ИБН ХУРДАЗБИХ И АЛ-ЙА'КУБИ	123
<i>И.Л. Кызласов</i>	133
РУНИЧЕСКИЕ ПИСЬМЕНА КАЗАХСТАНА	133
(В КРАТКОМ ИЗЛОЖЕНИИ)	133
<i>М.С. Мейер</i>	140
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПОСЛЕДНЕЙ КОЧЕВОЙ ИМПЕРИИ	
ЕВРАЗИИ	140
<i>А.И. Оразбаева</i>	146
КАЗАХСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: К ТЕОРИИ ВОПРОСА	146
<i>М.Н. Сдыков</i>	153
ФЕНОМЕН КАЗАХСКОГО ХАНСТВА	153
<i>Д.М. Тимохин</i>	164
КОЧЕВЫЕ ТЮРКСКИЕ ПЛЕМЕНА ДЕШТ-И КЫПЧАКА И ХОРЕЗМ	
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XII В.: ПО ДАННЫМ АРАБО-ПЕРСИДСКИХ	
ИСТОЧНИКОВ	164
<i>Х.М. Турсун</i>	173
<i>М.С. Исаев</i>	173
М.Х. ДУЛАТИ И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ КАЗАХСКОЙ	
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	173
<i>Х.М. Турсун</i>	180
<i>Т.Ж. Сабитов</i>	180
ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ИШИМ-ХАНА	180
<i>Х.М. Турсун</i>	188
<i>В. Таракчы</i>	188
МУСТАФА ЧОКАЙ – ЛИДЕР ТУРКЕСТАНСКОЙ ЭТНОЭЛИТЫ	188
<i>К.А. Фурсов</i>	195
ТЕРМИН «КАГАНАТ» И ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ В КОЧЕВЫХ	
ИМПЕРИЯХ ЕВРАЗИИ	195
<i>Сяоцзя Чжао</i>	204
ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ И КАЗАХСКИМ	
ХАНСТВОМ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – НАЧАЛО XIX ВВ.)	204

ПОЛИТОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА	211
<i>Л.Ф. Адилова</i>	211
ДИАЛЕКТИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЕВРАЗИЙСКОМ	211
ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ	211
<i>Т.М. Алиев</i>	215
ИТОГИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАЗАХСТАНА	215
(1989–2014 гг.)	215
<i>О.П. Кобзева</i>	224
ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	
КАЗАХСТАНА И КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ	
«ТРЕТИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ»	224
<i>Н.С. Кулешова</i>	230
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА	230
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И КНР	230
<i>Л.Х. Матюнина</i>	240
ПОЛИТИКА ВАЛЮТНОГО КУРСА РОССИИ И КАЗАХСТАНА	240
(1991–2016 гг.)	240
<i>В.А. Михайлов</i>	249
<i>Ж.С. Сыздыкова</i>	249
ИСТОРИЧЕСКИЙ ВКЛАД ПРЕЗИДЕНТА КАЗАХСТАНА	249
В ЕВРАЗИЙСКУЮ ИНТЕГРАЦИЮ	249
<i>С.А. Семедов</i>	258
РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В БОРЬБЕ С	
РЕЛИГИОЗНЫМ ЭКСТРЕМИЗМОМ	258
<i>Р.Б. Сиддиков</i>	267
ПРИОРИТЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ КАЗАХСТАНА:	
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ	267
<i>Ш.С. Сулейманова</i>	273
РОССИЯ И КАЗАХСТАН: СОТРУДНИЧЕСТВО В XXI В.	273
<i>Е.С. Сыздыкова</i>	280
КАЗАХСТАНСКАЯ МОДЕЛЬ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ	
И ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ: ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ	280
<i>Е.С. Сыздыкова</i>	288
ПРИОРИТЕТЫ ИНДУСТРИАЛЬНО-ИННОВАЦИОННОГО	
РАЗВИТИЯ В ПОЛИТИКЕ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ	
КАЗАХСТАН – ЛИДЕРА НАЦИИ Н.А. НАЗАРБАЕВА	288
<i>Керим Хас</i>	297
ТУРЦИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КАЗАХСТАНА	297
В НОВЫЙ ПЕРИОД	297

ФИЛОЛОГИЯ, ЯЗЫКОЗНАНИЕ.....	302
<i>О.Г. Акинина</i>	<i>302</i>
АРАБСКАЯ ЛЕКСИКА В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ	302
<i>А.А. Гаджиева</i>	<i>308</i>
КАЗАХСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ КАК БЕСЦЕННОЕ	
НАСЛЕДИЕ НАРОДНОЙ МУДРОСТИ	308
<i>М. Джусупов.....</i>	<i>313</i>
КАЗАХСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И БЕЗДИАЛЕКТНЫЙ	
КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК	313
<i>Ұ.К. Исабекова.....</i>	<i>318</i>
ТҮРКІЛІК ОРТА ҒАСЫР МҰРАЛАРЫНЫҢ ҰРПАҚ ТӘРИЕЛЕУДЕГІ	
МАҢЫЗЫ.....	318
<i>Л.Г. Исмаилова</i>	<i>326</i>
ЭМОТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ	326
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ХАРАКТЕРА ГОВОРЯЩЕГО	326
<i>Т.М. Караев.....</i>	<i>334</i>
ФИЛОСОФЕМЫ В КУЛЬТУРЕ КАЗАХСКОГО НАРОДА	334
<i>Д.М. Насилов</i>	<i>340</i>
ЯЗЫКОВАЯ ПАЛИТРА СРЕДНЕВЕКОВОЙ СТЕПИ.....	340

ИЗДАТЕЛЬСТВО
PRESS-BOOK
Белые книги
г. Минск, ул. Октябрьская, 11
www.press-book.by
(017) 291-9100